

В 2017 году в Санкт-Петербурге возник проект «Ф-письмо». Он начинался как открытый семинар, посвященный современной феминистской литературе и теории, объединял (и до сих пор объединяет) всех, кому интересны проблемы феминистской, женской, квир-текстуальности: не только поэто_к и писательн_иц, но и философ_инь, художн_иц, исследовател_н_иц современной музыки, театра, искусства. Затем появился онлайн-журнал

«Ф-письмо» на платформе *Syg.ma*, где публикуются художественные и теоретические тексты, задействующие, проблематизирующие или анализирующие квир- и феминистскую логику письма. Большое внимание уделяется художественным переводам, поскольку для нас важно понимать мировой контекст феминистской

литературы, быть в диалоге с ним и не замыкаться ни в каких национальных границах. Также можно сказать, что большинство авторо_к «Ф-письма» объединяет интерес к теории письма, к современной феминистской философии, в диалоге с которой мы работаем. К тому же для нас всех важен пересмотр отношений власти и иерархий в литературе, проблема «стеклянного потолка» в культурных средах и построение горизонтальных институтов.

Автор_ки «Ф-письма» придерживаются самых разных поэтических методов и стратегий: от документального до условно «лирического». Для кого-то больше важны «женская история», «женская субъектность», «женский опыт» и их «вписывание» в литературу, для кого-то – квинность, множественная и номадиче-

ская субъектности, размывание границ идентичностей. Кто-то пишет почти эпические, манифестарные тексты, кто-то работает с микроопытом, повседневностью, тонкими различиями аффектов. Здесь телесность, вписывание новых тел в мир тел нормативных и поиск новых, неконвенциональных языков – точки объединяющие. У Розы Брайдотти, одной из ключевых фигур для феминистской философии, есть замечательное понятие «номады-полиглота» – пишущей авторки, той, которая создает, обнаруживает и осваивает множество «иностранных» языков в родном, выявляет необычность и «чуждость» родного языка, ищет в нем островки свободы, потайные норы, зоны дискомфорта. Мне кажется, что, практикуя ф-письмо, многие из нас в какой-то степени являются такими номадами-полиглот_ками.

Сегодня вернее говорить не феминизм, а феминизмы. Феминистская теория, феминистское движение и культура не гомогенны, и феминизмы бывают разные (квир-феминизм, анархо-феминизм, интерсекциональный феминизм, радикальный, либеральный и т.д.), но тем интереснее поиск общих оснований. Так и практики ф-письма различны по своим методологическим, эстетическим и политическим проявлениям. Поэзия для нас – это та языковая практика, которая всё время избегает «окончательного значения» (направивается аналогия с «окончательным решением»). Насилие – это и есть этот мир окончательных решений и значений. Поэзия ищет пути выхода из этого мира, уклоняется от языков вражды, производя другие языковые миры, в которых нет места насилию и угнетению. Насилие

тесно связано с опрощением реальности. Авторитаризм в языке, политике, жизненных практиках – это и есть опрощение, сведение множества значений к одному, которое и рождает насилие. Демократизм – это множество тел и языков, борющихся за новый и справедливый мир. Множество голосов феминистской поэзии подлинно демократичны, они не только соединяют социальную критику с поэтическим модусом высказывания, но и собирают множество голосов угнетенных индивидов, среди которых важное место отводится голосам женским. Одна из важных метафор современной феминистской философии и искусства выражается словами «плетение», «связанность» (Сэди Плант). Для письма она также важна: что если посмотреть на феминистское и женское письмо через метафору нити, текстуры, ткани, орнамента, вязи, узора? Во множестве болевых и смысловых узлов (завязывание узла также отсылает к его скрученности, сопротивлению при развязывании), из которых плетётся ткань феминистского поэтического письма, спрятаны зернышки преображения.

В этой подборке присутствуют далеко не все поэт_ки, которых можно связать с практиками феминистского письма. Но это издержки любой публикации ограниченного объёма (надеюсь, это скоро будет исправлено изданием большой антологии ф-письма). Однако её можно считать репрезентативной: здесь представлено несколько поколений феминистского, женского и квир-письма: от Марины Тёмкиной до Насти Денисовой и Елены Костылевой, от Лиды Юсуповой до Лолиты Агамаловой и Фридриха Чернышева.

Люба Макаревская

***

Ехала в метро
слушала голос
Вирджинии Вульф
искала календарь
собственной
менструации

Превращалась
в море
в темноту
в принцессу Диану

/Каждый раз когда
я выезжаю
в тоннель.../

Я немного принцесса
перед жадным
ртом смерти
и немного
одиннадцатилетняя
девочка в конце
августа 1997

Уже невыносимо
изнывающая
в ожидании
любви
Уже начальный опыт
письма
уже начальный опыт
выжигания
слизистой

Уже знающая
круги короткого
черного омота
удовольствия

В приступе желания
лесбийского
гетеросексуального
отодвигающая

слои пораженного
эпидермиса
перед чистым
лицом неба
которого больше
нет.

Инга Шепелева

***

съел товарищ
капли любви ледяной
безыскусный скулит
нет красавицам
нет феминизму
нет ничего
раскусил
маску руки
хрустнул коготь
на сломе гудит
дикий товарищ
открыл тишину
взвился небом широким
к мировому злу
в грудь вцепился
пролетарским огнем
месть мой дикий товарищ
разукрашенный идол
земного блаженства печать
на тебе на всех красных
обещаниях безнадёжных
кумачовых кроватях
холодной любви
кровавого секса
съел кривую плоть
съел раз и два
тот поверженный
исподволь плачет
на локте твоём братском
мохнatom плече твоём нежном
рассветы звенят
мухи во сне революции
отмечать сияние

силой хлопка по спине трудовой
по спине расстояний
кто выжрал гудок
кто нажал заводским ключом
на курок бесконечной грусти
катастрофа в строю
амор катаклизма
нет тишине
нет красавицам
нет феминизму
я истончила его
дикий товарищ вопит
стал ребёнком
в пустом рукаве
в омут закутай
пружина играй
гармонь моя низкая
мама моя
золотая зима

Настя Денисова

*

разрешение
согласие
и благодарность

ужин это приём пищи
селфхарм моё

пожалуйста останьтесь в своих границах

скорее всего на картинке темнота

оставайтесь там

невидимый идёт дождь

скажите поддержка

поддержка разрешение согласие
благодарность

*

мария на терапии
говорит о мари
воплъ мари
трава и йога не снимают боль мари
обезболивающее призванное обезболить
марию

само по себе
страна мари

любое названное
забытое слово
потерянное свободное время мари

после всего что произошло
за всё это время
без всякой мысли соприкоснуться
сказать другое
переиначить то

мария выговаривает марию

Станислава Могилева

***

и. ш.

ты на чьей стороне
ты на связи
названным овладеваешь
неназванному принадлежишь
слышишь нас прослушивают сладкие,
сладкие существа,
подселенцы в знакомых героях,
они невидимы, но это они, точно они,
я узнаю их по сладкому запаху пота

седлая оружие сжимая оружие бёдрами
украшая оружием запястья и шеи
разрисовывая оружием плечи и икры
перекатывая твердеющие шарики оружия

под смелыми языками вооружая ресницы
и губы
вооружая любые слова пудрясь тротилом
мы несёмся обычным снарядам
босиком по мятежной воде
у любой из нас обе груди на месте
наше оружие бесконечно

на автоматическом прицеле
в любом состоянии на прицеле
осознаваемом каждым шагом
мы держим вот это
мы не забываем об этом
даже во время
даже когда
даже если

« у с п о к о и т ь п р ы т ь »

дайте сахара мне
сахаром посыпьте голову мне
расшифруйте мне сахар
похороните меня в сахаре
пока сам не вкусит
узнает ли сахар во дне
этого ли ожидали
сахарные войска
пронесут тебя над водой и небом
через всем что есть повторяемое имя
зарытое в дождь
зарытое в воздух
моё поле закрыто
моё оружие бесконечно
моё оружие бесконечно
моё оружие бесконечно
моё оружие бесконечно
названное смеётся

Юлия Подлубнова

***

Традиционные мальчик и девочка
в твёрдых купальниках без —

где-нибудь в пригородном парке,
не отменяющем новостроек.
Ибо новостройки — примета времени.

Если ты коснёшься моей руки,
я готова нарушить любые нормы.
Если я коснусь твоей руки —
ничего не понятно...
Месяц дрожащих цветов.
Иероглифы велосипедов.

***

Приходят, *Наум*, разные вещи:
набережная, фон: танки,
береженная, любимая, милая,
пришивай треугольник
к розовым худи,
тонкие деревья разума
не выдерживают, гнутся.

А потом: стрельня, выеборг,
гневский проспект.
Тени свастика метро,
острогубых лабрисов,
мортанутых смартфонов,
государственных символов
правопорядка.

В Питере гнить,
как сказал бы романтик.
Батискаф погружается.

Девочкадевочкадевочкадевочка.

Лолита Агамалова

***

в распева чудном означающем без значенья
где берешь себя механически
где берешь

или множество sensus смыкаются через раз;
в этом нет ничего такого
все течет в друг друга по-разному, через раз
(
анархическое желание, горя в теі
перетекая как, не завладевая, не тлея,
не забывая

просто растет
ни секса, ни смерти, ни смеха и ни судьбы
анархическое желание где все мы
существуем в ущелье, не обмениваясь
властью, слепыми монетами, последними
днями

без распределений, без равновесия, а
в невесомости, лишь вырастая, горя
в потоке других вещей
всех вещей без трещин
и
самых чутких наших развалин
той прошлой чужой любви

Фридрих Чернышёв

***

женщины в возрасте от пятнадцати
до сорока пяти
поддаются большему риску насилия дома
в семье или на улице
чем риску рака или автомобильной аварии
от секса женщины умирают чаще
чем от войны
от того что называют сексом
х.. выстреливает чаще ружья
х.. опасней пьяного за рулем
или сломанного светофора
его нельзя заменить игрушечным
как автомат мальчику из деревни
(заменить игрушечным его стыдно
или дорого
или нестыдно но дорого
или и то и другое)
тем двум явно не хватало оружия

поэтому они пошли грабить секшоп
чтобы не портить статистику соревнований
с войной
и когда мы держимся за руки
и не убиваем друг друга
нас убивают за то
что мы их разоружаем

Дарья Серенко

Пересказ статьи «Индийский суд разрешил пускать в храм женщин»

две паломницы вошли в храм Сабаримала
на юге Индии
в сопровождении сотни полицейских
охраняющих их от мужчин
после паломниц священнослужители
устроили обряд очищения храма
так как женщина у которой есть менструация
оскверняет храм
сторонники запрета считают менструацию
неконтролируемой сексуальной активностью

по легенде Айяппа — сын бога Шивы и бога
Вишну
победил чудовище
после победы оно превратилось
в девушку
и предложило ему жениться на ней
но он выбрал жизнь отшельника
она опять предложила ему жениться на ней
и он сказал что женится
когда к нему перестанут ходить паломники
и девушка стала ждать его на соседнем
холме
паломники идут до сих пор

появление в храме половозрелых женщин
может искусить божество и служителей —
говорят традиционалисты
женщины не способны к воздержанию

женщины могут дождаться возраста менопаузы и зайти в храм
поэтому это не дискриминация
была организована акция #можемподождать

первых паломниц поддержало около пяти миллионов женщин
1 января они встали живой стеной
620 км
«если они вытянут руки
то свалятся в Аравийское море»
и он сказал что женится
когда к нему перестанут ходить паломники
но что он сделает если
к нему не перестанут идти паломницы?

49-летний мужчина совершил акт самосожжения
требуя вернуть запрет
в декабре в храм удалось войти
нескольким трансгендерным женщинам
полиция потребовала
чтобы они переоделись в мужскую одежду

«что прогрессивно для вас,
может быть не прогрессивным для меня»
событие называют нарушением
религиозной автономии
светской властью
запрет на присутствие женщин
был также утвержден светской властью
в 1991 году

религиозные философы настаивают
что неприсутствие женщины в Сабаримале —
это форма служения божеству
а осуждение чужих традиций белыми журналистами —
это расизм

мнение граждан Индии разделилось
по данным опроса
47,4% — за
52,6% — против
паломники идут до сих пор

Оксана Васякина

А.Б.

девушки девушки
превращаются в песок
красивые тонкие в капроновом блеске
превращаются в песок

я читаю тебе стихи Инны Лиснянской из книги В Пригороде Содома
и в одном стихотворении она сравнивает свой живот
свой старый изможденный живот
с песчаными волнами
и это такие безукоризненные стихи о старости и сожалении
(но что я знаю о старости и сожалении кроме того
что девушки девушки превращаются в песок
и что смерть приближается и существует)

девочки превращаются
безутешно превращаются в пепел
девичьи пяточки становятся неприступными скалами
девичьи руки превращаются в тяжелую каменную кость
и девочки превращаются в косточки

я показываю тебе стихи как маленькие хрупкие вещи
с таким чувством как будто я храню их в бархатном мешочке на золотистых завязочках
здесь у меня Мандельштам, Глазова, Гримберг, Фанайлова, Шварц
я их показываю и ты
прикасаешься к ним своим чувствительным взглядом
как будто твой взгляд это нежный хоботок с тысячью крохотных сосков
ты рассматриваешь их вместе со мной
они как сокровища чистые
чистые от того что никогда не имели цены
и не станут сегодня
они как сокровища чистые они как воздух неуловимые
быстрые взрывы недоступные
и совсем иногда – распахнутые

я ставлю ногу на бортик ванной
ты нагибаешься и открываешь мне спину свой крупный кудрявый затылок
и аккуратно один за другим
состригаешь отросшие ногти
сначала на правой ноге потом на левой ноге
и я смотрю твою спину как крепкую нежную вещь
смотрю как аккуратно уши твои прикреплены к голове
они – завитушки плоти кожи хрящей
такие нежные

а ты старательно стрижешь и не видишь моего взгляда
он как вода затуманен любовью и эротическим гимном
здесь ты ближе ко мне
в сладком служении моему телу
чем если ты смотришь в меня на расстоянии раздвинутых пальцев руки
здесь я вижу тебя
здесь ты аккуратно щелкаешь щипцами
как будто ты птица большая
в черном перламутровом оперении
покачиваешься моргаешь и приговариваешь:
вот так, и еще раз вот так — и щелкаешь сталью
а еще говоришь:
Какие маленькие смешные ноготочки!
а потом целуешь и еще раз целуешь

и я вижу тебя большой
большой как каменный остров
большой как дышащий черный остров
испещренный породами травами и норами мелких животных
ты как земля ты как каменное необъятное тело

а потом я читаю тебе отрывки из этого стихотворения
и ты улыбаешься
говоришь что оно очень красивое
а я люблю красивые вещи и стихотворения
стихотворения и есть вещи — сложные вспышки
отороченные стеклянными кружевами
или живой израненной плотью
стихотворения это как маленькие камешки
когда их много они шуршат внутри тебя как шепчет галька
от дыхания воды

это так старомодно
размышлять о поэзии не как о чем-то что преодолевает границы
а наоборот — запаковывает чувство или событие в одну сложную неразрушимую вещь
стихотворения это вспышки камешки и маленькие уязвимые вещи
стихотворения это внутренние вещи
это микроразрывы в сердце зарубцевавшиеся
они дышат в сердце как ласковые кроткие насекомые
трещат и немного покалывают
они — это работа боли и времени
они свет ослепительно тонкий
они работа скорби и радости

)

Елена Костылева

***

Вороны свили гнездо за моим окном
Рвут кого-то на части в пять утра
С криком победным страшным вороньим кра

Радуются
Своей благоустроенной жизни
Мощное воронье комьюнити из ахматовского сада
Дошло до нашего двора
Не стали вместе со всеми в саду селиться

Разорить их гнездо настучать на них в жилконтору не поднимается рука

Петербург до
Петербург до ре
Мокрый насквозь до припухлых
До детских вороньих яиц

На мосту фотографируются японки
Фотографируют друг друга среди карамельных фасадов
Здесь был детдом в блокаду
Многие выжили

Город-призрак (а не герой) Ленинград
фасады кораблик сад

Нигде теперь
Так хорошо не живется
Снится

Мнется

Ничего никогда больше здесь не случится
Ничего не снится

Дважды
В одну воронку
Не попадает

/ Нет
он не некоторых вещей
он вообще ничего
не понимает

Галина Рымбу

Из цикла «Лето. Ворота тела»

иногда мне кажется, что мои руки — это маленькие быстрые лапки: стирают, моют, готовят, перекаладывают вещи с места на место, но им, вещам, никогда места нет. мы живём слишком тесно. дом переполнен вещами, как гнездо запасливых птиц, а когда мы устали — кричим и клюём друг друга. вот, наш сын выпал из гнезда в новую игру, в сложный мир.

лапки живут свою жизнь: они едят по ночам, в туалете, в трамвае, в гостинице, посреди улицы, даже в постели. лапки, быстрее, нужно успеть.

а голова как у большой тревожной птицы вертится туда-сюда, думает, что сделать, как сделать: он голоден, я голодна, они голодны. почти весь мир уже голоден. где-то и воды нет. надо придумать еду и воду, чтобы шла ко всем отовсюду.

лапка, пиши.

лапки, наверное, как у енота — быстрые, суетливые, но если когда-то появится тот, кто сделает что-то, что делал отец, что делали мальчики в школе, парни с района, мужчины вообще не знакомые, пьяные друзья и поэты, я знаю, у меня есть когти, острые вообще как бритвы, они разорвут его тело, выпустят его кровь на свободу, даже если будут бояться. лапки.

помню руки бабушки — твёрдые, как камни, все в трещинах от стирки и мыла, как сухая степная глина, и в трещинах — розовая мякоть, капельки крови. она сидит у печки на табуретке и гладит, успокаивает свои руки: *еще немного и можно уснуть.*

мама говорит: бабе нужен хороший крем для рук. нет, ей нужен какой-то другой мир, где дед не бежит за ней с собачьей цепью по огороду, где еда и вещи создаются сами, *мир другого труда.*

погладь меня камнями, баба,
полежи рядом со мной,

как я лежу сейчас рядом с сыном,
и тогда мои руки — это просто мои руки,
ершат волосы на его голове,
двигают время в любые стороны в любом порядке —
как магниты на холодильнике.

в одной из сторон, когда все гнезда бумажных торшеров в нашей панельке
вспыхивают одновременно,
и кастрюли на кухне гудят, танцует
мокрое бельё, множится хлеб,
мама, я снова

хочу съесть твою шершавую руку, которая гладит меня.

Елена Фофанова

***

посмотрите на эту рыбу
жабры
что люди дарят друг другу
иллюзию надежды
сахарный колер
и немного совсем

«вааакиока сима-кла
— на сжатой темпоральной структуре
слеза проделывает оборот 360 градусов
это ли узор времени? так только кажется —»

эндемичной любви

читая текст, нарушая правила: ставить разные слова на разные буксы
эпифрагма из зеленого словаря
«то резко и быстро исчезают, то плавно появляются вновь»
жук залез в улитку через дыхательные пути возможно это крымская жужелица

крымская жужелица эндемик ядовитой поверхности, но этот яд принесли сюда не мы
сделаем вид что не мы

посмотри на эту слизь улитки
видишь, как ходит кровь в её внутренностях
не вижу
даю иллюзию надежды, что не вижу

как рыбы с жабрами дарят друг другу немного эндемичной любви
соскальзывает чешуйка рыба
в объятья

почему я рыба и я страдаю?
не знаю, как ответить
не хватает воздуха
жабы описывают путь в 360 градусов
я рыба что мне океан
подстилка рваная

в аквариуме дети наблюдают за такими как ты
они видят, как кровь движется по холодному рыбьему телу
не видят четыре сердца, но воображают их
научил бы кто их любить рыбы тела
любить поделённое на четыре
четыре сердца бьются в унисон
вынимание четырёх сердец
этим дети займутся чуть позже

рыба говорит когда я (у)видела огонь с ростральных колон
больше не (с)могла
говорить о чём-то кроме соприкосновения
рыба говорит, шевеля жабрами

этот яд

Марина Тёмкина

Из цикла «Девять речитативов для женского голоса»

6. Заплачка

Ой, меня ль, маленькую, не мучили.
Ой, меня ль, девочку, не скручивали, не пеленали.
Ой, меня ли, меня ли не застёгивали на все пуговицы,
на кнопки, крючки, лифчики и подвязки, шарфы и шапки,
шубы затягивали ремешком, завязывали платки
крест-накрест на спине, что было не пошевелиться.

Ой, меня ли, меня ли в детстве не муштровали строго,
воспитывали, прививали манеры, учили ничего не просить,
ничего не желать, не занимать место в пространстве,
не корчить рожи, не гримасничать, иметь приятное выражение
лица, соблюдать приличия, не морщиться, думать гладко,
двигаться грациозно, покачивая бёдрами, быть спортивной.
Ой, не меня ль, не меня ли учили бальным танцам, балету,
не пачкать руки, особенно когда ешь, одеваться со вкусом,
волосы не отращивать слишком длинно, как у хиппи,
не стричь слишком коротко, ты не мальчик,
мини-юбку укорачивать не слишком коротко,
и если длинную, то не совсем до пят, ты ж не синий чулок,
и вырез не слишком низкий, и голос не слишком громкий.
Ой, не меня ли учили не жаловаться, не говорить,
что это несправедливо, что это просто неправда,
не обращать внимания на насильников, на садистов,
на психов, на деспотов и убийц, не идти в милицию,
всё равно правды не добьёшься, не обращать внимания — и всё,
как будто их нет или они тебе приснились, это твоя фантазия,
богатое воображение, галлюцинации, шизия,
ты всё придумываешь или врёшь. Ой, не мне ли,
не мне ли наказывали не простужаться, не сидеть на сквозняке,
не болеть, не создавать проблем, избегать конфликтов,
не конфронтировать с начальством, ни с кем бы то ни было
вообще, не вставать в позу, в оппозицию к власти,
быть практичной, дипломатичной, твёрдо стоять
на своих ногах, быть реалистом, не мечтать о несбыточном,
учиться на инженера, мама же говорила, «чтобы стихи писать,
надо талант иметь». Ой, не мне ли, не мне ль говорили,
что мальчики способнее к математике, на сто мальчиков
одна девочка, мальчики вообще ко всему способнее,
быстрее бегают и прыгают с парашютом, пусть они занимаются
наукой, пусть они книги пишут, а ты будь женственной,
кокетливой, показывай слабость, не конкурируй,
они хоть и сильный пол, а конкуренции не любят, особенно
конкуренции с женщиной, так что флиртуй, но слегка,
не забывайся, а пристанут, обрати всё в шутку, посмейся,
похохочи, неважно, что тебе не смешно и анекдот обидный,
сохраняй мир, не лезь на рожон, пусть делает, что хочет,
а ты не сопротивляйся, молчи, подчиняйся, будь умнее,
будь выше этого, научись вовремя капитулировать,
это лучше, чем быть битой, сохраняй семью,
во всём ему помогай, ему одному тяжело, один он не справится.
Будь хорошей девочкой, и пусть тебя съедят.

БЕЛОЕ ТЕЛО РОССИИ

1.

соблазнительное белое тело России беспомощно лежит,
глазу его по хребту,
обнимаю со спины,
как ты не замерзаешь тут посреди зимы
и почему лицо твоё прикрыто целлофановым пакетом?
все поезда одинаково пусты:
временные контейнеры для людей,
жестокосердечно жизнь проходится по земле,
ничего за собой не оставляя.

2.

в поезде, разрезающем белое тело России,
я говорила с женщиной,
на плече которого невозможно было не заметить гигантское родимое пятно
в виде мышцы:
оказывается, с таким не берут в армию,
небольшой порез, и ты истечешь кровью и нелепо умрёшь
навсегда.
что, если кто-то поцарапает тебя,
а я не успею?

3.

в том же поезде девочка Софа не хочет спать,
её мать безуспешно учит с ней круги и квадраты,
в соседнем купе женщина спрашивает мужа, будет ли он жрать
в этот момент замечаю, что на голове матери небольшой круг.
необратимое облысение женщины — это смерть,
может, поэтому она спрашивает Софу: мама красивая?
и шепотом: красивая мама, да
а между тем подкрадываются звуки, как небесные удочки,
вылавливают из сна,
со мной говорят сосны, берёзы, столбы,
голубое выпито до дна, и поэтому все чёрное
мрачное, как вдова

в дверях бывшего дома.

Екатерина Захаркив

***

обо всем они говорят, на волнах плантации срезая усилие, приостанавливаясь в язвах борьбы, женские руки, возникшие

из калиграммы

коммуна дней, окруженных анной, в разбитой ботанике тишины саженцы нетерпения раскрывают чуждые инфраструктуры, и только спирали поломанных встреч зависают над складками

переулков, брусчатки

прыжки фонарей в «нигде» лингвы, цветы хлопка в музее «повсюду»

обо всем она говорит, коралловым чертежом прошивая холодный проект: «наши матери нам рассказали, и мы помним слова, хотя и не помним

звука их голосов, мы помним слова»

«пневматика дейксиса, инженерия боли и детство должны содержаться в одном отсеке, в одной душевой минуте»

«освободи меня от вымолвленности, от шприцов нехватки, от движения в ветвящемся времени, разрушающем механику сдвига

от внутреннего судана, от бездонной флотилии, выплывающей из груди»

Елена Георгиевская

Женщина под землёй

Под водой начинается улица.

Под землёй тянется цепь — до самой воды, чтобы врезаться тебе в горло, когда ты посмотришь на северную звезду, женщина под землёй.

Улитки, лишившись домов, превращаются в камни.

Любая фраза — скользкий камень у тебя под ногами.

Иди обратно под землю, там покажут красивые деньги твоим закрытым глазам. При жизни у тебя был настоящий веник, после смерти над тобой — искусственный венчик. Дождь оmyвает пластик, а тебе больше не надо ничего мыть. Зачем ты идёшь к воде, женщина под землёй?

Ты будешь в аду. Ты рассыпала камни, как зёрна, а из них ничего не вырастет. Смотри зарытыми глазами, какое красивое дерево вырастет из тебя, если не сделаешь больше ни шагу. Мы зажигаем костёр и ведём его за собой на цепи. Нам можно двигаться — цепи в руках, не на горле. Твоя цепь — наша собственность, ты портишь её, женщина под землёй.

Улитки погибли от дыма цепных костров, улица выйдет наружу и станет нашей.
Пятьдесят лет спустя самые стойкие сыновья тебя вспомнят и озаботятся тем, что другие тебя вспоминают совсем не так.
Они придут сюда нарисовать поверх цепи, тянущейся из земли, что-то красивое. Здесь останется только воздух, им придётся рисовать на воздухе, но это всё равно лучше, чем быть тобой.
Ты нас не слышишь, женщина под землёй?

Лида Юсупова

Матеюк

мы пришли с подругой Юлей в квартиру Саида на Васильевском острове
по бесконечному коридору ездил мальчик на велосипеде
он посмотрел на меня злыми глазами
квартира называлась резервный фонд
Саид занимался преступной деятельностью шил джинсы
он сказал что мы можем переночевать у него
в его комнате была только одна кровать
он сказал что мы можем просто спать с ним рядом как сёстры он нас
не тронет
и мы остались ночевать у него спали в одной кровати под одеялом и он нас
не тронул
утром пили кофе и ели пончики Саид купил и принёс
потом пришёл его друг
я забыла его имя
а фамилия у него была Матеюк
нет
мы встретили его у метро Василеостровская
мы стояли и курили а он сидел на скамеечке
было солнечно
я помню свет на его страшной морде
потом мы ехали в каком-то автобусе
и когда Матеюк повернулся в профиль
широкие улицы новостроек ползут в грязных окнах
я увидела эту линию
позже я увижу её из окна самолёта подлетающего к Белиз-сити
гряда невысоких гор на горизонте
покатого лба и надбровных дуг и приплюснутого носа
под которыми верили майя и расположена страна мёртвых
и он всё время говорит говорит но я не помню о чём
и вообще он говорит только с Юлей
а я смотрю и не слушаю
да

это он привёл нас к Саиду
метро уже было закрыто
и это он сказал
Саид вас не тронет вы можете спокойно спать с ним в одной кровати как
сёстры

и потом была ночь
и было утро с пончиками и кофе
и мы снова втроём весь день гуляли по городу
в восемь вечера когда Юля сказала что ей пора домой
я не поехала с ней на трамвае к метро
потому что

напротив Кинематографа он поцеловал меня в темя
было раннее утро люди стояли на остановке ждали трамвая
лицо одной женщины на фотографии памяти
женщина морщится смотрит вдаль и я для неё не существую
на этой фотографии она случайно
он меня только что изнасиловал
утро утро свежесть
потому что я верю в дружбу
потому что я не бросаю друга в беде
потому что когда он сказал вечером
что должен был быть дома в восемь
и это его последнее нарушение
участковый придёт и проверит
но уже поздно он не успеет
ему ехать далеко на метро
он загулялся с нами
ему с нами было интересно
теперь его отправят в тюрьму
я почувствовала вину и ответственность
это была его последняя ночь свободы

в 11 вечера мы пришли к его бабушке
за старинной дверью находилась огромная коммунальная квартира
там была тропинка сквозь джунгли хлама и вешалок
у двери в комнату его бабушки
я бы почувствовала сладкий запах старости
я тогда ещё умела его определять
по которой мы могли бы пробраться на кухню
где причаленные столы спят мёртвым сном белой ночи
Матеюк нажал на чёрную кнопку четыре раза и ещё раз четыре раза
кто-то наверное подошёл к двери посмотрел в глазок Матеюк говорил
это я я называл имя которое я забыла но дверь не открыли
я сказала пойдём гулять до утра
он сказал у меня тут есть одна знакомая малолетка можно пойти к ней
так мы оказались в квартире на первом этаже хрущёвки
на окне не было решётки я могла убежать когда Матеюк сказал раздевайся
он оставил меня одну и ушёл в туалет я могла убежать

на окне не было решётки но я побоялась выпрыгивать в окно
когда мы пришли малолетки не оказалось дома
дверь открыл её отец опухший алкоголик с фигурой мальчика
ничего не говоря он забрался обратно в кровать и уснул
он стонал во сне и всё время ворочался и всё время громко пердел
его кровать была застелена снежно чистым бельём
а на стене над кроватью висел багровый ковёр
если бы малолетка была дома Матеюк бы меня не изнасиловал
мне не повезло

и когда он вернулся он молча лёг на меня и у нас был секс я не
сопротивлялась я только сказала это неправильно я повторяла
это неправильно это неправильно это неправильно это неправильно
это неправильно это неправильно это неправильно это неправильно
это неправильно это неправильно это неправильно это неправильно
это неправильно это неправильно это неправильно это неправильно
это неправильно это неправильно это неправильно это неправильно
это неправильно это